

Научная статья

УДК 93/94

EDN QEYNGS

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2026-31-4-1040-1052>

Морально-этический кризис основ службы в правоохранительных органах советской России на железнодорожном транспорте (1917–1922 гг.)

Николай Николаевич Петрыкин

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» им. В.М. Лебедева»

117418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69

nnpetrykin@yandex.ru

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления управленческих практик в условиях слома государственного механизма и Гражданской войны, когда традиционное триединство: «православие, самодержавие, народность» было объявлено вне закона, а новая система ценностей еще не сформировалась. Цель исследования – на основе архивных документов выявить специфику и последствия кризиса, вызванного дискредитацией религиозной составляющей как мировоззренческой основы службы.

Материалы и методы. Историко-генетический метод позволил проследить трансформацию моральных основ службы. Историко-системный метод использован для анализа деятельности органов на транспорте. С помощью историко-сравнительного метода на материалах Государственного архива Российской Федерации проведено сопоставление дисциплинарных проблем и механизмов легитимации власти.

Результаты исследования. Выявлена ключевая дилемма функционирования подразделений и служб правоохранительной направленности: сохранение части кадров и оперативных практик дореволюционной жандармерии при тотальном отрицании прежней присяги и идеи верности Царю и Отечеству. Установлено, что морально-этический кризис носил многоуровневый характер. На индивидуальном уровне он проявлялся в экзистенциальной растерянности служащих, на корпоративном – в системном падении дисциплины и снижении авторитета институтов, на институциональном – в неэффективности исключительно карательных и упрощенно-агитационных мер. Исследование подтверждает тезис, что поверхностная дореволюционная религиозность и агрессивный антиклерикализм являлись проявлениями кризиса духовных оснований власти.

Выводы. Советское государство, отказавшись от религиозной основы легитимации власти, столкнулось с существенной проблемой формирования устойчивых ценностных ориентиров. Внедрение революционной идеологии через политпросвещение, агитационные плакаты и песни не смогли в короткие сроки сформировать у сотрудников правоохранительных органов устойчивую систему ценностных ориентиров.

Ключевые слова: Революция 1917 г., Гражданская война, железнодорожный транспорт, транспортная милиция, жандармерия, морально-этический вакуум, легитимность, антиклерикализм, секуляризация, советская идентичность, правоохранительные органы

Финансирование. Автор заявляет об отсутствии финансирования.

Вклад автора: Н.Н. Петрыкин – постановка проблемы исследования, сбор и анализ научной литературы, работа с архивными документами, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Петрыкин Н.Н. Морально-этический кризис основ службы в правоохранительных органах советской России на железнодорожном транспорте (1917–1922 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Т. 31. № 4. С. 1040–1052. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2026-31-4-1040-1052>, <https://elibrary.ru/qeyngs>

Original article

EDN QEYNGS

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2026-31-4-1040-1052>

The moral and ethical crisis of the service principles in the railway law enforcement agencies of Soviet Russia (1917–1922)

Nikolay N. Petrykin

The Russian State University of Justice (National Research University)
69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation
nnpetrykin@yandex.ru

Abstract

Importance of this study is driven by the need to understand governance practices during the collapse of the state apparatus and the Civil War – a period when the traditional triad of “Orthodoxy, Autocracy, Nationality” was outlawed and a new value system had yet to emerge. Drawing on archival documents, this paper aims to identify the specific nature and consequences of the crisis triggered by the discrediting of the religious component as the worldview foundation of state service. The hypothesis is that the undermining of faith deprived the authorities of their value-based and meaning-giving foundation, engendering a legitimacy crisis that the measures subsequently adopted failed to remedy.

Materials and Methods. The historical-genetic method allows us to trace the transformation of the moral foundations of state service. The historical-systemic method is employed to analyse the operations of transport-sector agencies. Using the historical-comparative method and materials from the State Archive of the Russian Federation, the study compares disciplinary problems with the mechanisms of legitimization of power.

Results and Discussion. The study identifies a key dilemma in the functioning of law-enforcement units and agencies: the retention of some personnel and operational practices from the pre-revolutionary gendarmerie, alongside a total rejection of the former oath and the idea of loyalty to the Tsar and the Fatherland. It is established that the moral-ethical crisis was multi-layered. At the individual level, it manifested as existential confusion among employees; at the corporate level, as a systemic decline in discipline and the erosion of institutional authority; and at the institutional level, as the ineffectiveness of purely repressive and simplistically agitational measures. The research confirms the thesis that both superficial pre-revolutionary religiosity and aggressive anticlericalism were manifestations of a deeper crisis in the spiritual foundations of power.

Conclusion. Having rejected the religious basis for legitimising authority, the Soviet state faced a substantial problem in forming stable value orientations. The introduction of revolutionary ideolo-

gy through political education, propaganda posters, and songs failed to build, within a short period, a sustainable system of value orientations among law-enforcement personnel.

Keywords: Revolution of 1917, Civil War, railway transport, transport militia, gendarmerie, moral and ethical vacuum, legitimacy, anti-clericalism, secularization, Soviet identity, law enforcement agencies

Funding. The author states that there is no funding.

Author's Contribution: N.N. Petrykin – research problem statement, has collected and analyzed scientific literature, working with archival documents, writing – original draft preparation.

Conflict of Interests. The author declares no conflict of interests.

For citation: Petrykin, N.N. (2026). The moral and ethical crisis of the service principles in the railway law enforcement agencies of Soviet Russia (1917–1922). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 31, no. 4, pp. 1040-1052. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2026-31-4-1040-1052>, <https://elibrary.ru/qeyngs>

АКТУАЛЬНОСТЬ

В отечественной историографии Гражданская война рассматривается как ключевой фактор, затруднявший легитимацию новой государственной власти. Работа сфокусирована на микроанализе проблемы «снизу», на повседневных практиках и мировоззренческих коллизиях отдельных служащих и коллективов. Такой подход позволяет перейти от изучения формальных структур к пониманию реальных механизмов легитимации зарождающегося государственного аппарата, в том числе силовых структур на транспорте.

Транспортная система была ключом к победе в Гражданской войне и становлению нового государства. В этих условиях новая власть столкнулась с дилеммой. С одной стороны, была провозглашена необходимость слома старого аппарата, с другой – существовала насущная потребность в кадрах, знавших службу изнутри, а это обуславливало вынужденное сохранение прежнего кадрового состава силовых структур.

Актуальность работы определяется ее вкладом в изучение переломного периода отечественной истории на микроисторическом уровне. Исследование соответствует задачам современного исторического просвещения, ориентировано на защиту исторической правды и осмысление механизмов формирования гражданской идентичности, как это определено в Основах государствен-

ной политики Российской Федерации в области исторического просвещения, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314¹.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В основу исследования положены документы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), прежде всего фондов Центрального комитета Российской коммунистической партии большевиков по всестороннему контролю и ревизии губернских, уездных и волостных советских учреждений и партийных организаций и проведению мобилизации добровольцев на фронт. 1918–1919 (фонд Р-1240), Совета народных комиссаров РСФСР (СНК РСФСР) (фонд Р-130), Народного комиссариата внутренних дел РСФСР (НКВД РСФСР) (фонд Р-393), содержащие доклады с мест о наблюдаемом недоверии крестьян к местной власти, выписки из протоколов, в которых констатируется необходимость повышения «нравственного уровня» работников милиции через политическую грамоту; жалоба красноармейца

¹ Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения: Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001> (дата обращения: 27.12.2025).

Разумова, где поднимаются вопросы справедливости и утраты смысла службы; приказы и инспекционные отчеты по московской милиции с указанием на необходимость запрета пения «старых песен» и требованием разучить «революционные» с одновременным указанием на низкую дисциплину, текущее состояние кадров и факты коррупции.

В ходе проведения исследования использовалась наукометрическая база данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), изучались публикации исследователей о процессах, происходивших в России в период с 1917 по 1922 г. Так, в работах С.В. Леонова [1], Т.Г. Архиповой [2] показаны сложные проблемы раннесоветского государства на фоне гражданской войны и тотального кризиса. Монография А.С. Сенина раскрывает механизм функционирования ключевого инфраструктурного ведомства – железнодорожного в 1917 г. и детализирует кризис, проявлявшийся в виде институциональной нестабильности [3, с. 91-164]. Работа А.Ю. Давыдова представляет научный интерес, поскольку исследует вокзально-дорожную повседневность, показывает, как макрополитический кризис легитимности преломлялся на микроуровне в повседневных практиках. Ученый отмечает коллапс транспортной системы [4, с. 75]. В.Л. Данилов и П.Л. Зайцев обращают внимание на глубочайший цивилизационный перелом в обществе, во многом обусловленный трансформацией многовековой модели взаимоотношений государства и Русской православной церкви [5, с. 82]. Как справедливо отмечает Т.Л. Матиенко, сыскные отделения, а затем и милиция, частично комплектовались бывшими сотрудниками дореволюционных органов, которые продолжали выполнять свой профессиональный долг [6, с. 175], однако, кадровая преемственность при тотальном отрицании прежней ценностной основы службы, освященной религиозной присягой на верность Царю и Отечеству, порождала исследуемый в статье морально-этический кризис. Статья фокусируется на том, как во-

прос легитимности власти на макроуровне преломлялся и воспроизводился на микроуровне – в среде сотрудников правоохранительных органов по обеспечению безопасности на железнодорожном транспорте. Гражданская война авторами рассматривается как «рельсовая война», поскольку основные боевые действия и логистические операции разворачивались вдоль линий железных дорог, превращая транспортную инфраструктуру в артерию жизни фронта и тыла. Поэтому рассмотрение проблем легитимности и морально-этического состояния именно транспортных правоохранительных органов приобретает особое значение: железная дорога становилась не только местом службы, но и пространством предельной концентрации социальных противоречий, где наиболее остро сталкивались старые и новые ценности.

Для решения поставленных задач использован комплекс исторических методов: *историко-генетический* позволил проследить трансформацию моральных оснований и профессиональной культуры службы при переходе от дореволюционной жандармской железнодорожной полиции к советской транспортной милиции. *Историко-системный* метод позволил рассмотреть, как проблемы легитимности власти системно влияли на внутреннее состояние ее силового аппарата. *Историко-сравнительный* метод использован для сопоставления механизмов поддержания дисциплины, авторитета и профессиональной идентичности в дореволюционный и раннесоветский периоды. Метод *исторической антропологии* был использован для анализа личных документов, жалоб и рапортов с целью реконструкции экзистенциального кризиса и моральной дезориентации рядовых сотрудников. Принцип критики исторических источников применен ко всему корпусу использованных документов с целью установления их достоверности и выявления скрытых смыслов, связанных с проблемой легитимности и авторитета власти в восприятии самих служащих и рядовых граждан.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первые месяцы советской власти были отмечены серией законодательных актов, целенаправленно менявших идеологические основы государства. Декрет ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 ноября 1917 г.² имел конституционное значение, ликвидировав не только сословную структуру, но и всю связанную с ней систему корпоративной чести, чинов и присяг [7, с. 17]. Вслед за этим Декларация прав народов России от 2 (15) ноября 1917 г.³ заложила основы национальной политики нового государства. Очередным шагом стала секуляризация государственных институтов. Статья 4 Декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. исключала религиозные обряды и церемонии из деятельности публичных организаций, а статья 7 отменяла религиозные присягу и клятвы. Тем самым сакральный обет, выходявший за рамки служебного договора и укорененный в вековой традиции, был изъят из правового поля. Принятие Конституции РСФСР 10 июля 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов⁴ лишило избирательных прав бывших служащих полиции и жандармерии, а также духовенство, юридически маргинализируя носителей старой этики служения. Последующая Инструкция Народного комиссариата юстиции от 24 августа 1918 г.⁵ детализировала процедуры изъятия церковного имущества, создавала почву для произвола на местах, что вело к росту социальной напряженности.

² Декрет ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 (24) ноября 1917 г. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5308/> (дата обращения: 23.01.2026).

³ Декларация прав народов России: 2(15) ноября 1917 г. // Известия. 1917. 3 нояб. С. 4.

⁴ Конституция (Основной закон) РСФСР. 1918 г.: 51. Ст. 582 // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. 1918. Т. Отдел 1. С. 671-682.

⁵ О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»: Постановление Народного Комиссариата Юстиции № 685 от 24.08.1918. URL: <https://istmat.org/node/31038>

В дореволюционный период за духовную и нравственную поддержку воинам и служащим отвечали командиры, полковые священники, воспитание зиждилось на девизе «За Веру, Царя и Отечество» [8, с. 91]. Теперь сотрудник лишался сакральной санкции своих действий, четкие моральные ориентиры заменялись революционным прагматизмом. Любая объективность отвергалась в пользу революционных целей, в том числе направленных на полное исчезновение религии из общественной жизни [9, р. 58]. Таким образом, на смену правоохранительной системе, интегрированной в религиозные традиции, где участие в Таинствах Церкви служащих жандармской железнодорожной полиции было нормой [10, с. 33], а вагоны-храмы на линиях железных дорог были распространенным явлением [11, с. 18], пришла реальность, в которой сама власть, ее символы и ритуалы стали восприниматься частью населения, воспитанного в православии, как кощунственные и враждебные.

Важно подчеркнуть, что мировоззрение человека представляет собой сложную структуру, включающую знания, ценностные ориентации, эмоционально-волевые установки и практические регулятивы. Религиозная вера в этой структуре выполняла интегративную функцию, связывая воедино представления о должном, моральные принципы и мотивацию к служению. Ее дискредитация означала разрушение самого механизма смыслообразования. При этом кризис традиционного мировоззрения не был мгновенным следствием лишь революции 1917 г. – он назревал с XVII века, усилился к началу XX века, а Первая мировая война его обострила. Однако именно революционные декреты нанесли по традиционному мировоззрению окончательный, институциональный удар. К началу 1918 г. возникла уникальная ситуация морально-этического разлома, выражающаяся на трех уровнях: индивидуальном, корпоративном и институциональном.

На индивидуальном уровне проявлялся экзистенциальный кризис и поиск смысла службы. Документы свидетельствуют о глу-

боких переживаниях людей, потерявших традиционные ориентиры и не находящих адекватных замен в рамках новой идеологии. Характерным является письмо красноармейца Разумова И.И., следовавшего от Саратова через Актарск, Ртицево, Балашов, Козлов и Воронеж к Южному фронту: «в тылу за неделю не получал ложки горячей пищи, куда не приди, чего не спроси, тот говорит не мое дело, другой – я за это не отвечаю, в результате иди, товарищ, не солоно хлебавши... Если с защитниками так поступают, то что же делают с другими?.. Чего же будем защищать?.. будем мстить, мстить и мстить»⁶. Это не рядовая жалоба на бытовые лишения, это проявление духовного кризиса. Как отмечают исследователи, такая реакция была альтернативой массовому «приспособленчеству» – стратегии внешнего принятия новых правил при внутреннем сохранении прежних убеждений, которая стала типичным ответом на идеологический перелом [12, с. 607].

Этот случай иллюстрирует глубокий процесс, который Н.А. Бердяев назвал антропологической катастрофой. Крушение имперской государственности означало разрушение тех внешних форм, которые веками дисциплинировали человеческую стихию. Н.А. Бердяев писал, что «формы старого строя сдерживали проявления многих русских свойств, вводили их в принудительные границы». Эти формы – сословная честь, религиозная присяга, корпоративная этика – были, конечно, «обветшалыми», но выполняли важнейшую функцию сдерживающих конструкций. Когда они пали под напором революции, человек, лишенный внешних сдержек и внутренних опор, «появился нагишом» [13, с. 62]. Красноармеец Разумов, не находивший ответа на вопрос «чего же будем защищать?», – это и есть «нагой человек». У него нет больше ни «Царя», ни «Отечества», ни «Веры», а предложенная им замена – «мечь» – не может заполнить экзистенциальную пустоту.

Ситуация усугублялась неоднородным социальным составом формируемых правоохранительных органов. Наряду с бывшими жандармами, сохранявшими профессиональные навыки, но утратившими ценностные ориентиры, в подразделения правопорядка вступали рабочие, крестьяне, вернувшиеся с фронтов военнослужащие [14, с. 72]. Каждая группа приносила свой мировоззренческий багаж, но общей оставалась проблема: старые идеалы дискредитированы, новые – не укоренены в личном опыте и не подкреплены привычным образом служения.

Индивидуальный кризис закономерно вылился в деструктивные процессы внутри профессиональных сообществ. Проявилось это в падении дисциплины внутри правоохранительных органов, росте злоупотреблений и должностной преступности⁷. Архивные материалы фиксируют низкую дисциплину и высокий уровень правонарушений среди милиционеров, уверенных в безнаказанности [15, с. 39]. Массовая текучесть кадров и неудовлетворительное материальное положение толкали самих сотрудников на преступления. Начальник угрозыска вынужден был просить «отнестись с пониманием» к тому, что «в силу критического материального положения многие сотрудники идут на преступления» [15, с. 40]. Малейший повод для недовольства мог закончиться кровопролитием. 8 января 1918 г. солдаты, ехавшие в поезде, недовольные тем, что пути замело снегом, угрожали физической расправой железнодорожникам⁸.

Протокол совместного заседания делегации ЦИК и партийных работников г. Малмыжа от 13 июня 1919 г. зафиксировал необходимость «..поднять нравственный уровень работников ...милиции... самым безжалостным образом, преследуя всякие самочинные, незаконные действия»⁹. Однако предлагаемые меры сводились к «обязательному обучению», развитию «политического кругозора», лекциям

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 130. Л. 2.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 120. Л. 48-48об.

⁸ Там же. Д. 97. Л. 81.

⁹ Там же. Д. 120. Л. 48-48об.

и беседам «с работниками милиции»¹⁰. Акцент делался на идеологической составляющей, тогда как глубинные механизмы формирования внутренней мотивации персонала оставались вне фокуса реформаторов.

Однако усилия по формированию новой морали через просвещение и агитацию разбивались не только о внутреннюю инерцию сознания, но и о реальную политику, проводившуюся властью вовне. Пока идеологи пытались наполнить пустоту лозунгами, антирелигиозные кампании на местах разрушали последние остатки доверия к новым институтам. Проводившаяся советской властью антирелигиозная политика не способствовала легитимации силовых структур в глазах населения. Закрытие церквей по произволу местных властей мгновенно порождало антисоветские настроения. Из доклада чиновника Арбажской волости (Вятская губерния) особоуполномоченному ВЦИК т. Стеклову следовало, что «во всех уездах <...> недоверие к местной власти» вызвано тем, что «в Арбажской волости без достаточных на то оснований была закрыта церковь, что вызвало антисоветские настроения у крестьян»¹¹. Грубые и часто некомпетентные действия новых сотрудников органов правопорядка окончательно дискредитировали власть в глазах населения. В таких условиях выполнение обязанностей по охране порядка на транспорте превращалось в трудновыполнимую задачу.

Взаимоотношения государства и церкви в первоначальный период становления советской власти исследователями оцениваются неоднозначно. Так, В.А. Сомов призывает не судить о «политике советской власти в отношении церкви исключительно с точки зрения «гонений» [16, с. 36]. Отмечает, что в условиях Гражданской войны власть избегала всякого явного оскорбления чувств верующих, хотя, по другим оценкам «не оскорблять этих чувств получалось все реже» [17, с. 92]. Если в 1918 г. жестокие убийства священников, описанные в источниках, воспринимались как акты «дикой кровавой рас-

правы темных масс» [18, с. 79], то к 1921–1922 гг. кампания по изъятию церковных ценностей приобрела характер централизованного государственного наступления, вызвала ожесточенное сопротивление и и воспринималась верующими как святотатство [19, с. 85]. Для сотрудника, призванного охранять порядок на станциях, это означало, что он представляет власть, авторитет которой оспаривается населением. Рост крестьянских бунтов [20, с. 33] ставил правоохранительные органы в положение карателей, углубляя их моральную изоляцию и внутренний конфликт.

Важно подчеркнуть, что новая власть неслала идеи солидарности и равенства, освобождения от эксплуатации и религиозных догм. Однако на практике ее доктрина нередко интерпретировалась как основание для правового нигилизма – отрицания ценности нормативной упорядоченности, скептического отношения к юридическим формам и профессиональной этике, опирающейся на устойчивые культурные традиции. В условиях революционной ломки институтов это приводило к дезориентации служащих и подпитывало карательный уклон в деятельности новых органов, таких как ВЧК и революционные трибуналы, действовавшие на основе революционной целесообразности.

Советское руководство осознавало кризис и пыталось реагировать, но меры носили преимущественно внешний характер. Можно выделить три направления институционального ответа: карательно-репрессивное, агитационно-пропагандистское и административно-организационное.

Карательно-репрессивный ответ власти на существовавшие вызовы легитимизации заключался в создании новых силовых структур, идеологически лояльных советской власти. Такие органы, как Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) или революционные железнодорожные трибуналы, зачастую воспринимались населением как «жупел» [21, с. 354]. Суть их деятельности была четко сформулирована правительственным декретом от 4 мая 1918 г., согласно

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 120. Л. 48–48об.

¹¹ Там же. Л. 32.

которому Революционные трибуналы объявлялись органами расправы, в которых «проблема вины, доказательств не имела значения» [22, с. 810]. Это легитимировало внесудебный характер их действий и снимало необходимость соблюдения процессуальных гарантий, превращая карательные органы в инструмент оперативной реализации политической воли. Со стороны власти – это была попытка создать идеологически лояльную силовую вертикаль с «необычайно широкими полномочиями» вплоть до права «беспощадно расстреливать на месте преступления» [23, с. 88]. Железнодорожные трибуналы руководствовались исключительно интересами пролетарской революции, и любое несогласие, сопротивление подавляли с оглядкой на «Парижскую коммуну» и «славных коммунаров-французов» [21, с. 360].

Агитационно-пропагандистский ответ власти заключался в замещении религиозных символов новыми ритуалам. 12 сентября 1919 г. комиссар и член президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) Сосновский телеграфировал В.И. Ленину: «Дорогой Владимир Ильич, сегодня в час и три четверти под звуки интернационала тронулся из Москвы литературно-инструкторский поезд Вашего имени. Поезд идет на Западный фронт. Для его обслуживания в поезде на 1 миллион рублей агитационной литературы, инструкторы народных комиссариатов, лекторы, агитаторы, кинематограф и отделение роста. Все работники поезда шлют Вам дорогой товарищ, в момент отъезда горячий привет! Да здравствует мировая революция, да здравствует вождь ее товарищ Ленин!»¹². Агитационные мероприятия проводились в служебных коллективах правоохранителей. В приказе по административному отделу Московского Совета Рабочих и Красноармейский Депутатов от 9 июля 1919 г. № 35 всем начальникам железнодорожной милиции предписывалось «обратить особое внимание на прохождение

милицией курса политической грамоты»¹³, для чего из сотрудников-коммунистов назначались те, кто был обязан вести занятия с рядовыми милиционерами. Занятия по политическому просвещению, как правило, совмещали со строевой подготовкой¹⁴. И если в части выправки особых нареканий не было, то с идеологией отмечались проблемы. Правоохранители после занятий расходились по домам с песнями, но старыми, империалистическими, не соответствующими «революционному духу»¹⁵. В этой связи руководящие документы прямо указывали тексты, подлежащие разучиванию. Эти тексты были призваны заменить традиционные песни и закрепить в сознании новые. В этих целях на железнодорожных станциях организовывались концерты¹⁶. На высшем уровне та же логика прослеживалась в рассуждениях Л.Д. Троцкого, видевшего в кинематографе «великого конкурента не только кабака, но и церкви» [17, с. 94]. Однако антирелигиозные организации, как отмечает А. Дьяченко, легко справлялись с критикой прошлого, но испытывали трудности с формулированием позитивной, внутренне убедительной повестки [24, р. 26].

Административно-организационный ответ советской власти заключался в стремлении заполнить вакуум прагматическими мерами. Наиболее квалифицированные руководители на местах вводили распорядок дня, разрабатывали новую форму для сотрудников, вводили специальные системы премирования и специализированные знаки отличия [15, с. 37], что отчасти компенсировало дезориентацию личного состава и повышало результативность работы правоохранительных органов. Однако все эти меры были разрозненны, запаздывали и не складывались в целостную систему воспитания, способную заменить утраченную религиозно-нравственную основу служебной деятельности.

¹² ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 513. Л. 1. Орфография и пунктуация автора сохранены.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 6. Д. 11. Л. 201-204об.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Ф. Р-5474. Оп. 1. Д. 155. Л. 67.

Провал агитации коренился не в недостатках проводимых мер, а в самой природе мотивации человека. А. Шмеман отмечал: внешние правила сами по себе не могут породить желания жить праведно, но они создают ту особую «атмосферу», которая облегчает личное усилие [25, с. 97]. Вагоны-храмы, присяга на Евангелии, сословная честь были «внешними правилами», но вместе с тем они формировали среду, в которой служащий находил поддержку и осмысление своего долга. Революция разрушила эту «атмосферу», а создаваемая взамен искусственная среда из плакатов, митингов и революционных песен не могла дать внутренней целостности. Этим объясняется парадокс, зафиксированный в документах: милиционеры, посещаая политзанятия, тут же пели «старые песни» – они интуитивно сопротивлялись навязанной разорванности, пытались удержать хотя бы иллюзию подлинности. А. Шмеман охарактеризовал трагедию секуляризма как вталкивание человека в «подлинную религиозную шизофрению: деление жизни на две части – религиозную и светскую, без какой-либо связи между ними» [25, с. 97]. В России этот разрыв произошел мгновенно и катастрофически. Еще вчера железнодорожный жандарм освящал свою службу молитвой, сегодня он, или его преемник, обязан был оставить веру «за порогом» казармы, участвуя порой в антирелигиозных акциях. Эта раздвоенность – невозможность быть целостным – стала источником внутренней опустошенности.

Проведенный анализ показывает, что морально-этический кризис первых послереволюционных лет был как следствием разрухи, так и следствием ошибок, но, что важно, во многом он коренился в попытке решить средствами социальной инженерии вопрос, имеющий метафизическую природу. Как пронизательно заметил Н.А. Бердяев, «русская революция – феномен религиозного порядка, она решает вопрос о Боге» [13, с. 65]. Упразднив религиозную основу службы, власть столкнулась с невозможностью создать новый ценностно-смысловой фундамент

мировоззренческой системы, что и породило описанные деструктивные процессы на всех трех уровнях.

ВЫВОДЫ

Исследование позволило выявить ключевые аспекты морально-этического кризиса в правоохранительных органах на железнодорожном транспорте в 1917–1922 гг. Ликвидация религиозной присяги и разрушение традиционного триединства «За Веру, Царя и Отечество» создали угрозу для всей мировоззренческой системы. Недостаток этот не мог быть восполнен ни карательными мерами, ни внешней агитацией, ни массовыми мероприятиями.

Кризис носил многоуровневый характер. На индивидуальном уровне он выражался в экзистенциальной растерянности, утрате смысла службы. Для многих сотрудников единственным выходом становилось либо внешнее приспособленчество при сохранении внутренней связи с христианскими основами, либо деструктивная адаптация в форме мотивации мести, замещающей утраченную ценностную определенность. На корпоративном уровне фиксировались массовые правонарушения в рядах служащих правоохранительных органов, падение дисциплины, потеря авторитета представителей власти у населения. Институциональный ответ власти, сводившийся к политпросвещению, репрессиям и административным новациям, оказался малоэффективным, поскольку не затрагивал глубинных механизмов формирования мотивации.

Антиклерикальная политика государства, закрытие храмов, изъятие церковных ценностей – усугубляли социальную напряженность и подрывали доверие к правоохранительным органам, ставя их в положение защитников непопулярной власти. Марксистская идеология, провозглашавшая солидарность и равенство, на практике часто оборачивалась правовым нигилизмом, что усиливало дезориентацию служащих.

В первые годы советской власти выход из этого кризиса был невозможен. Лишь в последующие десятилетия советское государство сможет найти сложный путь и частично реабилитировать традиционные патристические символы [8, с. 93], выработать

приемлемый механизм идеологического воспитания. Однако опыт 1917–1922 гг. показал, что без метафизического измерения ответственности, которое ранее обеспечивала религия, создание устойчивой служебной этики остается крайне сложной задачей.

Список источников

1. *Леонов С.В.* Рождение советской империи: государство и идеология, 1917–1922 гг. Москва: Диалог-МГУ, 1997. 355 с.
2. *Архипова Т.Г.* Особенности организации и деятельности государственного аппарата РСФСР в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции: взгляд через сто лет // Кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций – 70 лет: доклады Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. проф. Н.П. Ерошкина: материалы по истории кафедры. Москва: Рос. гос. гум. ун-т, 2023. С. 30-35. <https://elibrary.ru/glyqjy>
3. *Сенин А.С.* Министерство путей сообщения в 1917 году. Москва: URSS, 2009. 223 с. <https://elibrary.ru/qtgwqz>
4. *Давыдов А.Ю.* «Кочевая Россия»: вокзально-дорожная повседневность времен гражданской войны // Проблемы истории и историографии: сб. докл. межвуз. науч. конф. Санкт-Петербург, 2014. Т. 2. С. 74-85. <https://elibrary.ru/wxpsxx>
5. *Данилов В.Л., Зайцев П.Л.* Бюрократия и веротерпимость: трансформация государственно-конфессиональных отношений в России во второй половине XIX – начале XX в. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30. № 1 (92). С. 82-86. <https://doi.org/10.24412/1999-625X-2024-192-82-86>, <https://elibrary.ru/blopqz>
6. *Матиенко Т.Л.* Советский уголовный розыск: рожденный пролетарской революцией или преемник сыскальной полиции Российской империи? К вопросу об эволюции организационных и правовых форм правоохранительной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 174-179. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-174-179>, <https://elibrary.ru/warloc>
7. *Бредихин А.Л., Байкеева С.Е., Проценко Е.Д.* Декрет ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 (24) ноября 1917 г.: историко-правовой анализ // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8 (236). С. 15-17. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_15, <https://elibrary.ru/yyutgm>
8. *Марченко Г.В., Чимаров С.Ю., Бялт В.С.* Деятельность военно-политических органов силовых структур: историческая ретроспектива и современные приоритеты // Управленческое консультирование. 2023. № 3 (171). С. 86-100. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-3-86-100>, <https://elibrary.ru/bbqods>
9. *Bednaruk W., Gil A.* Soviet Religious Law in 1917–1922: Ideological and Legal Foundations // *Studia Iuridica Lublinensia*. 2023. Vol. 32. № 3. P. 45-61. <https://doi.org/10.17951/sil.2023.32.3.45-61>, <https://elibrary.ru/bnxfuw>
10. *Петрыкин Н.Н.* На страже безопасности и благочиния: жандармская железнодорожная полиция на территории Курской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Белгород, 2022. 159 с. <https://elibrary.ru/sxbuyc>
11. *Змеева О.В.* К антропологии религиозной жизни в период Первой мировой войны: вагон-церковь на Мурманской железной дороге (1915–1918 годы) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3. № 4. С. 14-26. <https://doi.org/10.37614/2949-1185.2024.3.4.002>, <https://elibrary.ru/cparfh>
12. *Manchester L.* “Godless Communists”: Atheism and Society in Soviet Russia, 1917–1932 (review) // *The Catholic Historical Review*. 2002. Т. 88. С. 606-608. <https://doi.org/10.1353/cat.2002.0144>
13. *Аскольдов С.А., Бердяев Н.А., Булгаков С.А.* Из глубины. Сборник статей о русской революции. Москва, 1990. 298 с.

14. Михайлов В.А. Трансформация советских войск правопорядка в годы гражданской войны // Государство, общество и личность в современных условиях: актуальные вопросы правового регулирования: сб. науч. ст. 2 Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Саратов: Саратов. военный ин-т войск национальной гвардии Рос. Фед., 2024. С. 69-74. <https://elibrary.ru/emnssu>
15. Мухамедов Р.А., Чигрин М.В. Кадровая политика и материальное обеспечение органов советской милиции в Среднем Поволжье в 1917–1922 годах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 25. № 2. С. 33-42. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V418>, <https://elibrary.ru/xctfnl>
16. Сомов В.А. Взвешенный подход к оценке взаимоотношений государства и церкви в первоначальный советский период // Гуманитарные исследования Центральной России. 2025. № 1 (34). С. 32-38. <https://doi.org/10.24412/2541-9056-2025-134-32-38>, <https://elibrary.ru/haatfo>
17. Кузнецова А.А. К вопросу о взглядах на религию и борьбу с ней советских государственных деятелей в 1918–1928 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2024. Т. 10. № 2. С. 89-100. <https://doi.org/10.29039/2413-1741-2024-10-2-89-100>, <https://elibrary.ru/jrsvow>
18. Шишкин Е.Н. Православная Церковь на Ставрополье в гонениях 1918 г. // Церковный историк. 2023. № 3 (13). С. 71-84. <https://doi.org/10.31802/CH.2023.13.3.005>, <https://elibrary.ru/itrurt>
19. Петров И.В. Кампания по изъятию церковных ценностей и судебные процессы против православного духовенства в 1922 г. как часть завершающего этапа Гражданской войны в России // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 1 (13). С. 80-96. https://doi.org/10.47132/2587-8425_2023_1_80, <https://elibrary.ru/fcaevw>
20. Белоус П.В. «Грабь награбленное» – изъятие церковных ценностей и общественные настроения в Западной Сибири (1921–1922 гг.) // Северный регион: наука, образование, культура. 2025. Т. 26. № 1. С. 31-39. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2025-1-3>, <https://elibrary.ru/jkrtsz>
21. Давыдов А.Ю. Революционные военные железнодорожные трибуналы на Северо-Западе России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. № 2. С. 353-375. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.204>, <https://elibrary.ru/jaluij>
22. Парахин С.А. Революционные трибуналы Тамбовской губернии 1918–1922 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29. № 3. С. 806-817. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-3-806-817>, <https://elibrary.ru/jxcive>
23. Упоров И.В. Особенности трансформации статуса чрезвычайных комиссий в начальный период советской власти // Оригинальные исследования. 2025. Т. 15. № 4. С. 87-94. <https://www.elibrary.ru/agwutl>
24. Dyachenko A. From Repression to Appropriation: Soviet Religious Policy and Reform, 1917–1943. New York: CUNY Hunter College, 2022. 78 p.
25. Шмеман А. Великий Пост. Москва, 1993. 111 с.

References

1. Leonov S.V. (1997). *Birth of the Soviet Empire: State and Ideology, 1917–1922*. Moscow, Dialog-MGU Publ., 355 p. (In Russ.)
2. Arkhipova T.G. (2023). Features of the organization and activity of the state apparatus of the RSFSR during the Civil War and foreign military intervention: a look after a hundred years. *Doklady Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora N.P. Eroshkina: materialy po istorii kafedry «Kafedre istorii gosudarstvennykh uchrezhdenii i obshchestvennykh organizatsii – 70 let» = Reports of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Professor N.P. Eroshkin: Proceedings on the History of the Department “The Department of History of State Institutions and Public Organizations is 70 Years Old”*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., pp. 30-35. <https://elibrary.ru/glyqjy>
3. Senin A.S. (2009). *Ministry of Railways in 1917*. Moscow, URSS Publ., 223 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qtgwqz>
4. Davydov A.Yu. (2014). “Nomadic Russia”: the station-and-road daily life of the Civil War. *Sbornik dokladov mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii «Problemy istorii i istoriografii» = Collection of Reports of*

- the Interuniversity Scientific Conference “ Problems of History and Historiography”. St. Peterburg, vol. 2, pp. 74-85. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wxpsxx>
5. Danilov V.L., Zaitsev P.L. (2024). Bureaucracy and religious tolerance: transformation of state-confessional relations in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, vol. 30, no. 1 (92), pp. 82-86. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-625X-2024-192-82-86>, <https://elibrary.ru/bloqqz>
 6. Matienko T.L. (2023). Soviet criminal investigation: born of the Proletarian revolution or the successor of the detective police of the Russian empire? On the question of the evolution of organizational and legal forms of law enforcement. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1, pp. 174-179. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-174-179>, <https://elibrary.ru/warloc>
 7. Bredikhin A.L., Baikheeva S.E., Protsenko E.D. (2024). Decree of the central executive committee and the council of people’s commissars “on the destruction of estates and civil ranks” dated November 11 (24), 1917: historical and legal analysis. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: Theory and Practice*, no. 8 (236), pp. 15-17. (In Russ.) https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_15, <https://elibrary.ru/yyutgm>
 8. Marchenko G.V., Chimarov S.Yu., Byalt V.S. (2023). Activities of force structure military-political bodies: historical retrospective and modern priorities. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*, no. 3 (171), pp. 86-100. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-3-86-100>, <https://elibrary.ru/bbqods>
 9. Bednaruk W., Gil A. (2023). Soviet religious law in 1917–1922: ideological and legal foundations. *Studia Iuridica Lublinensia*, vol. 32, no. 3, pp. 45-61. <https://doi.org/10.17951/sil.2023.32.3.45-61>, <https://elibrary.ru/bnxfuw>
 10. Petrykin N.N. (2022). *On Guard of Security and Deanery: The Gendarmerie Railway Police in the Territory of Kursk Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Century*. Belgorod, 159 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sxbuyq>
 11. Zmeeva O.V. (2024). On the anthropology of religious life in the First World War: railcar church on the Murmansk railway (1915–1918). *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Seriya: Estestvennye i gumanitarnye nauki = Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Series: Natural Sciences and Humanities*, vol. 3, no. 4, pp. 14-26. (In Russ.) <https://doi.org/10.37614/2949-1185.2024.3.4.002>, <https://elibrary.ru/cparfh>
 12. Manchester L. (2002). “Godless Communists”: Atheism and Society in Soviet Russia, 1917–1932 (review). *The Catholic Historical Review*, vol. 88, pp. 606-608. (In Russ.) <https://doi.org/10.1353/cat.2002.0144>
 13. Askol'dov S.A., Berdyayev N.A., Bulgakov S.A. (1990). *From the Depths. Collection of Articles about the Russian Revolution*. Moscow, 298 p. (In Russ.)
 14. Mikhailov V.A. (2024). The transformation of the Soviet law enforcement forces during the Civil War. *Sbornik nauchnykh statei 2 Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Gosudarstvo, obshchestvo i lichnost' v sovremennykh usloviyakh: aktual'nye voprosy pravovogo regulirovaniya» = Collection of Scientific Papers of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation “The State, Society and Personality in Modern Conditions: Current Issues of Legal Regulation”*. Saratov, Saratov Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation Publ., pp. 69-74. (In Russ.) <https://elibrary.ru/emnssu>
 15. Mukhamedov R.A., Chigrin M.V. (2025). Personnel policy and material support of Soviet police bodies in the Middle Volga region in 1917–1922. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, vol. 25, no. 2, pp. 33-42. (In Russ.) <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V418>, <https://elibrary.ru/xctfnl>
 16. Somov V.A. (2025). A balanced approach to assessment of the relationship between the state and the church in the initial Soviet period. *Gumanitarnye issledovaniya Tsentral'noi Rossii = Humanities Researches of the Central Russia*, no. 1 (34), pp. 32-38. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2541-9056-2025-134-32-38>, <https://elibrary.ru/haatfo>

17. Kuznetsova A.A. (2024). On the issue of views on religion and the fight against it by Soviet statesmen in 1918–1928. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* = *Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Sciences*, vol. 10, no. 2, pp. 89–100. (In Russ.) <https://doi.org/10.29039/2413-1741-2024-10-2-89-100>, <https://elibrary.ru/jrsvow>
18. Shishkin E.N. (2023). Orthodox Church in the Stavropol territory during the persecutions of 1918. *Tserkovnyi istorik* = *Church Historian*, no. 3 (13), pp. 71–84. (In Russ.) <https://doi.org/10.31802/CH.2023.13.3.005>, <https://elibrary.ru/itrurt>
19. Petrov I.V. (2023). Campaign to confiscate church valuables and lawsuits against Orthodox clergy in 1922 as part of the final stage of the Russian Civil War. *Vestnik Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii* = *Bulletin of the Historical Society of the St. Petersburg Theological Academy*, no. 1 (13), pp. 80–96. (In Russ.) https://doi.org/10.47132/2587-8425_2023_1_80, <https://elibrary.ru/fcaevw>
20. Belous P.V. (2025). “Rob what was robbed”: seizure of church valuables and public moods in Western Siberia (1921–1922). *Severnii region: nauka, obrazovanie, kul'tura* = *Northern Region: Science, Education, Culture*, vol. 26, no. 1, pp. 31–39. (In Russ.) <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2025-1-3>, <https://elibrary.ru/jkrtsz>
21. Davydov A.Yu. (2023). Revolutionary military railway tribunals in Northwestern Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* = *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 68, no. 2, pp. 353–375. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.204>, <https://elibrary.ru/jaluij>
22. Parakhin S.A. (2024). Revolutionary tribunals of the Tambov province 1918–1922. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Tambov University Review: Series Humanities*, vol. 29, no. 3, pp. 806–817. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-3-806-817>, <https://elibrary.ru/jxcive>
23. Uporov I.V. (2025). Features of the transformation of the status of emergency commissions in the initial period of Soviet power. *Original'nye issledovaniya* = *Original Research*, vol. 15, no. 4, pp. 87–94. (In Russ.) <https://elibrary.ru/agwutl>
24. Shmeman A. (1993). *Great Lent*. Moscow, 111 p. (In Russ.)
25. Dyachenko A. (2022). *From Repression to Appropriation: Soviet Religious Policy and Reform, 1917–1943*. New York, CUNY Hunter College Publ., 78 p.

Информация об авторе

Петрыкин Николай Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Центральный филиал, г. Воронеж, Российская Федерация.

SPIN-код: 7182-9218

РИНЦ AuthorID: 901515

<https://orcid.org/0000-0003-1441-6974>

nnpetrykin@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.03.2026

Одобрена после рецензирования 29.05.2026

Принята к публикации 08.06.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Nikolay N. Petrykin, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Humanitarian and Social-Economic Sciences Department, The Russian State University of Justice, Central Branch, Voronezh, Russian Federation.

SPIN-code: 7182-9218

RSCI AuthorID: 901515

<https://orcid.org/0000-0003-1441-6974>

nnpetrykin@yandex.ru

Received 06.03.2026

Approved 29.05.2026

Accepted 08.06.2026

The author has read and approved the final manuscript.